

Ксения Шталенкова

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ДЕНЕГ В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ: ДИЗАЙН И ПОЛИТИКА

Kseniya Shtalenkova

Symbolic Functions of Money in Post-Soviet Countries: Design and Politics

This article analyzes symbolic functions of money while independent states were emerging at the territory of the former USSR. The research focuses on visual design of such national paper money of Eastern Europe as the Lithuanian litas (which was replaced by euro in 2015), the Ukrainian hryvnia, the Russian ruble and the Belarusian ruble. As an example of banal nationalism, the design of national paper money can be considered as an ideological tool promoting the state 'image' via national narratives representing concepts of the 'Golden Age' of the nation. Although different currencies adopt different design strategies, all the four national currencies reject references to the Soviet heritage. However, in comparison with the Soviet ruble, the visual design of the Lithuanian litas, the Ukrainian hryvnia, the Russian ruble and the Belarusian ruble does not initiate the quasi-religious faith in the national currency because of the economic crisis and the tendencies to integrate into larger formations of states.

Keywords: money, national narrative, banal nationalism, Belarusian ruble, design, ideology, visual sociology.

Рассуждая об эволюции медиа, Н. Луман в качестве одного из примеров символически генерализованных медиа, сообразующих коммуникацию с определенными условиями, соответствующими конкретному медиапространству, выделяет деньги. При этом деньги являются примером медиаэволюции, которая состоялась благодаря другому типу медиа – распространению коммуникации, расширяющей

круг адресатов коммуникации, в виде особых символов: монет, а позднее и банкнот (Луман, 2005: 270). То есть деньги – это медиум, который устанавливает для своих реципиентов единые символические ценности, однако, по Луману, это касается лишь их циркуляции в экономико-социальном поле. Но, руководствуясь тем, что «каждая коммуникация предполагает знание, сообщает знание и порождает знание» (Луман, 2005: 176), а также располагая визуальным разнообразием материальных форм денег, следует задуматься об их символических функциях другого порядка, а именно о коммуникативном потенциале денег, передающем знание в виде своеобразного сгустка идей, выраженных с помощью визуального дизайна.

Хотя с момента изобретения деньги наделялись особыми визуальными знаками, на протяжении довольно продолжительного периода это практически не принималось во внимание исследователями¹. Однако относительно недавно появились исследования, которые не ограничиваются экономико-социальной моделью описания денег как уравнивающего средства между товарами, а, напротив, характеризуются смещением акцента к другим аспектам. Так, в конце 1980-х – начале 1990-х гг. с выходом работ В. Зелизер, посвященных социальной дифференциации денег, была подвергнута сомнению «абсолютная модель рыночных денег» (Зелизер, 2004: 43) и заложена традиция исследований их качественных различий. Этот подход акцентирует совершенно другой, аллегорический смысл денег: например, деньги как символ жертвы, радости и пожелания добра, скорби, чувства вины, в конце концов, богатства. Социальная дифференциация денег позволяет обосновать и их визуальную множественность. Право выпускать собственные деньги напрямую связано с правом на независимость, будь то греческий полис или современное государство. В любую эпоху государство размещает на своих деньгах определенные символы, которые ассоциируются с этим государством, указывают на принадлежность к нему². Помимо официальных символов (герба и флага) это исторические деятели, легендарные персонажи, покровители земли, архитектурные памятники, представители живой природы и другие важные для той или иной нации объекты, которые выстраиваются в определенный нарратив.

Но национальный нарратив не формируется естественным путем. Средством репрезентации национальной идеи государство через визуальный дизайн денег продвигает определенное понимание себя, формирует свой имидж. При этом необходимо учитывать, что такое «общее... трансцендентное, имманентное всем подданным» (Бурдьё, 2005: 244), отображенное на деньгах через определенные визуальные образы, на самом деле является частной точкой зрения доминирующей группы людей, которые, будучи высшим арбитром-государством, заставляют признать эту точку зрения как всеобщую. Однако, несмотря на такой субъективизм «доксы», государство принуждает принять ее как нечто естественно сформированное (Бурдьё, 2005: 247). Национальные

нарративы, продвигающие государственный имидж с помощью дизайна денег, являются частным случаем «банального национализма» – повседневных национальных репрезентаций, которые формируют у людей ощущение причастности к нации (Billig, 1995). Тогда символическая функция денег с точки зрения визуального дизайна состоит в том, что деньги – это своеобразный идеологический инструмент, направленный как на внутреннюю (граждане государства), так и на внешнюю (другие государства) трансляцию.

В этом отношении интересно проследить, как в сравнении с советскими репрезентациями выстраиваются национальные нарративы в дизайне бумажных денег государств, возникших на территории бывшего СССР. Ведь советские банкноты буквально пропитаны знаками и идейными установками не меньше, чем тот же доллар США, который представляет собой объект квазирелигиозной веры в национальную идею (Lauer, 2008). Портреты Ленина, изображения Кремля как традиционного символа государственности и центра власти с красной пятиконечной звездой, серп и молот на фоне земного шара как намек на мировую революцию, сеятель... В более ранние периоды также портреты «выходцев из народа» в лице боевых командиров, а позже и летчиков, шахтеров, других героев своего времени из народа. Такие репрезентации в выпуске советских банкнот 1937–1938 г. в противовес портретам общепризнанных политических, культурных и научных деятелей являются весьма примечательными с точки зрения формирования «естественного» представления о национальной идентичности по Бурдые. Ведь, с одной стороны, такие образы являются обобщенными, это не изображения конкретных людей, а с другой – пропагандируется идея о равенстве всех граждан в их праве быть запечатленными на отечественных деньгах, которые поистине становятся народными. Это уникальный пример коммуникации с массами посредством денежного медиума.

Впрочем, портреты героев были размещены только на мелких номиналах (1, 3 и 5 рублей), более крупные (1, 3, 5 и 10 червонцев) изображали Ленина. В следующем выпуске советских бумажных денег после реформы 1947 г. народные герои исчезли, а портрет вождя приобрел некоторые модификации. Был изменен общий ракурс: в отличие от предыдущей серии, где Ленин с характерным прищуром смотрел в глаза советскому человеку, на новых банкнотах его взгляд возвышенно отведен в сторону. После денежной реформы 1961 г., за которой последовал новый выпуск банкнот, портрет приобрел более существенную трансформацию. Из гравюры, сделанной на основе фотографии, приближающей образ к практически живому изображению, портрет превратился в профильное изображение гипсового бюста с монументальными коннотациями.

Что же касается стран, образовавшихся после распада СССР, обретение собственной национальной валюты, возможно, стало для них более важным политическим, а не экономическим шагом. В особенности это касается республик, получивших государственный суверенитет и более не зависимых от России, по-

сколькx их отсоединение было напрямую связано с подъемом национального движения. Дизайн национальной валюты оказался реальной возможностью сделать видимым новый государственный имидж и популяризировать его с помощью такого медиума, как банкноты. Если обратиться к примерам, относящимся к восточноевропейскому постсоветскому дискурсу, – украинской гривне, литовскому литу (на данный момент вышедшему из обращения), российскому рублю и белорусскому рублю, – то можно проследить различные тенденции в выстраивании нового национального нарратива.

Украина и Литва. Украина и Литва адаптируют проверенную временем концепцию формирования «пантеона» национальных героев и дают оригинальные названия своим национальным валютам. Противопоставление советскому рублю происходит как на общем концептуальном, так и на визуальном уровне.

В Украине после провозглашения независимости в 1991 г. для национальной валюты принимается название «гривна» как возрождающее традиции Киевской Руси и УНР. На лицевой стороне украинских банкнот изображены портреты знаменитых исторических персоналий, а на оборотной – связанные с ними архитектурные объекты и другие национальные символы. На банкнотах, по мере возрастания номинала, можно увидеть портреты политических деятелей времен Киевской Руси (Владимир Великий, Ярослав Мудрый), борцов за независимость Украины XVII в. (Богдан Хмельницкий, Иван Мазепа), культурных деятелей XVIII–XIX вв., способствовавших развитию украинского языка и культуры (Иван Франко, Михаил Грушевский, Тарас Шевченко, Леся Украинка, Григорий Сковорода). Также на бумажных деньгах использовано изображение национального герба «Трезубец».

Национальный нарратив в визуальном дизайне гривны выстраивается вокруг представлений о «золотом веке» украинского народа. При этом он видится как весьма фрагментированная версия национальной истории, между отдельными упомянутыми периодами которой насчитывается несколько пропущенных столетий. Однако в основном национальный нарратив повествует о славных героях украинского государства, боровшихся за независимость и сделавших вклад в развитие украинского культурного наследия. Примечательно и то, что на первых четырех номиналах с киевскими князьями и политическими деятелями XVII в. используются образы христианских центров (две банкноты с изображением Собора Св. Софии, по одной банкноте с изображением Ильинской церкви и Киево-Печерской лавры), на последующих номиналах с портретами культурных деятелей XVIII–XIX вв. представлены изображения зданий, связанные со светским историко-культурным наследием (Львовский оперный театр, Центральная Рада УНР, Киевский Национальный университет им. Т. Шевченко, Луцкий замок, Киево-Могилянская Академия). Таким образом, с одной стороны, закрепляется историчность христианства на украинских землях и его связь с государственностью, с другой – подчеркивается светский характер

более поздней эпохи, связанной с развитием современной украинской национальной идеи. С помощью орнаментально-цветовой акцентировки прослеживается также и активная народная составляющая представленного национального нарратива.

В Литве в 1990-е гг. название национальной валюты также было возрождено с начала XX в., когда был утвержден созвучный с названием государства «лит». Первые банкноты были выпущены в 1991 г. Концептуально литовские денежные знаки весьма близки украинским: они также используют сопряженные сюжеты с портретами персоналий и несущими для них символическое значение объектами, хотя это не всегда буквальное использование тех или иных символов³. Среди исторических персоналий на лицевой стороне литов можно было увидеть известных культурных деятелей XIX–XX вв., развивавших литовский язык и национальную идею (Юлия Жемайте, Мотеюс Валанчюс, Йонас Яблонскис, Майронис, Йонас Басанавичюс, Симонас Даукантас, Видунас, Винцас Кудирка). Обратная сторона отличается не только более аллегорическими в сравнении с украинской гривной коллажами, но и обозначением связи архитектурных объектов с более открытым пространством (использование перспективы, элементов с изображением рек, мостов), в чем можно увидеть намек на стремление Литвы включиться в глобальный контекст. Примечательной является банкнота в 10 литов с изображением летчиков Стяпонаса Дарюса и Стасиса Гиренаса, трагически погибших при попытке Трансатлантического перелета Нью-Йорк – Каунас на самолете «Lituanica» (изображен на оборотной стороне на фоне географической карты). Их фигуры приобретают международное значение в контексте локального литовского дискурса.

Национальный нарратив в дизайне банкнот литовского лита, как и в случае украинской гривны, также представляет отредактированную версию национальной истории, которая повествует о Литве как о самостоятельном государстве с самобытным языком и культурой. При этом апеллирование к историческому наследию времен ВКЛ происходит только в отношении использования в дизайне банкнот государственного герба «Витис», ставшего одним из преемников герба династии Гедиминовичей, утвердившегося в качестве официального герба ВКЛ. Другие символы относятся к много более поздней эпохе, а именно провозглашению независимости Литвы в XX в. Также следует отметить отсутствие орнаментальных мотивов и акцентировки связей с христианским миром: хотя в дизайне литов используются изображения кафедрального собора Св. Станислава в Вильнюсе и костел Св. Иоаннов в комплексе Вильнюсского университета, эти образы видятся скорее вписанными в панорамные виды литовской столицы в целом. Что же касается композиционных решений с реками и дорогами, намекающими на желание Литвы выйти на международную арену, то их можно считать реализованными. Теперь литовцы пользуются международной валютой евро, которая продвигает концепцию общеевропейских стилей

с перекидыванием мостов и открытием окон для всех желающих, хотя евро демонстрирует имидж финансового союза, не подкрепленного каким-либо реальным, осязаемым субъектом (Rossman, 2016).

Российские деньги. Своим названием, а также отчасти и визуальным наполнением российский рубль наследует советскому, впрочем, по степени идеологической насыщенности современные деньги России значительно уступают. Первые бумажные деньги независимой РФ, хотя и избавляются от советской символики, практически полностью повторяют кремлевские сюжеты прежних денег. Тем не менее с увеличением количества номиналов на банкнотах появляются новые ракурсы центра российской политической мощи, хотя все сюжеты так или иначе связаны только с изображением видов Москвы. В целом дизайн первых рублей практически не изменился: используются те же шрифты и элементы оформления (картуши, ленты и пр.). Однако в связи со сложным экономическим положением в начале 1990-х эти деньги, пришедшие на смену былой крепкой валюте, скорее воспринимаются как «фантики», нежели полноценная национальная валюта, которой можно доверять и гордиться.

В 1995 г. впервые выходит оригинальная серия бумажных российских рублей, дизайн которых позднее, в деноминированном виде, устанавливается в качестве постоянного. Эта серия уже изображает не только виды столицы, а переходит к репрезентации других городов России: видам Владивостока, Великого Новгорода, Красноярска, Санкт-Петербурга и Москвы (от меньшего номинала к большему). На лицевой части банкнот изображается какая-либо крупная деталь как «сердце» представленного города (памятники и скульптурные группы), на оборотной стороне изображаются общие планы и панорамы с важными архитектурными объектами каждого из городов. Происходит децентрализация сюжетов, репрезентируется обширность историко-географического дискурса России. В панорамных композициях используется не перекрытая какими-либо другими объектами линия горизонта, намекающая на бескрайность российской территории.

Весьма примечательным в истории дизайна российских рублей стал 1996 г.: в противовес официальной серии создается проект «Новые деньги» авторства Л. Парфенова, Е. Китаевой и М. Гельмана. Данный проект предлагал альтернативный дизайн денег с изображением различных представителей российской культуры, науки и спорта. Такое новое для российских рублей конструирование национального нарратива было воспринято следующим образом:

«При виде новых денег можно вздохнуть с облегчением: приятно, что страна представлена не политиками и военачальниками (что могло бы вызвать дипломатические проблемы), а мирными деятелями культуры. Приятно, что обойдены острые углы: тема последней войны дана не в непристойно-мажорной, а в минорной тональности: уход ополченцев на фронт (он иллюстрирует Седьмую симфонию Шостаковича). Да и вообще, новые деньги выглядят так естественно,

как будто мы всю жизнь ими пользовались. Их вполне можно рассматривать как выражение народной воли, блестяще угаданной авторами».

Подобный хвалебный комментарий можно расценивать как попытку интеллигенции противостоять имперским притязаниям родины. По каким-то причинам Великая Отечественная война оптимистично считается последней. Незамеченным прошел и основной минус независимого проекта: каждая банкнота представляет одно из направлений культуры, однако поскольку количество номиналов ограничено, а великих деятелей разных областей в России поистине великое множество, авторами «Новых денег» было предпринято решение разместить на каждой банкноте по два представителя⁴ (изображение спортсменов Александра Алехина и Льва Яшина – на 1 рубле, художников Ильи Репина и Казимира Малевича – на 3 рублях, артистов театра Ивана Шаляпина и Галины Улановой – на 5 рублях, композиторов Петра Чайковского и Дмитрия Шостаковича – на 10 рублях, писателей Льва Толстого и Федора Достоевского – на 25 рублях, представителей научного прогресса Дмитрия Менделеева и Юрия Гагарина – на 50 рублях, поэта-писателя Александра Пушкина и писателя-драматурга Николая Гоголя – на 100 рублях (литература не могла ограничиться только одной банкнотой)). Хотя целью проекта было представить все возможные культурные направления и прославить их наиболее значимых представителей, все-таки подобный отбор является весьма субъективным. А как же другие? Почему в литературе обошлось, например, без Тургенева? Почему в компанию не взяли советских писателей, Нобелевских лауреатов? Почему бы вообще не посвятить всю серию литературе, раз уж авторы отмечают важность «традиции самой читающей страны»? Вызывает вопросы и то, как связаны между собой шахматы и футбол, периодическая таблица и прорыв в покорении космоса. Совершенно забыто такое важное для российской культуры направление, как кино, не говоря уже о том, что РФ включает и множество автономных территорий, имеющих свое историко-культурное наследие. «Новые деньги» концептуально видятся одновременно и избыточным, и довольно поверхностным, поспешным проектом, подтверждающая, что использование портретов важных для того или иного государства персоналий не является универсальным способом продвижения государственного имиджа. Напротив, такой дизайн может вызывать споры и немалое предубеждение, если только отбор персоналий не проводится с помощью всенародного голосования или опроса, как, к примеру, в случае выбора географических объектов, которые будут помещены на российские банкноты в 200 и 2000 российских рублей.

Тем не менее проект «Новые деньги» стал смелой попыткой создать деньги, конкурентоспособные в отношении визуального дизайна. Он не был одобрен в качестве официального, а с утвержденной серией с городами связан любопытный момент. В 1997 г. выпускается банкнота в 500 000 российских рублей, изображающая виды Архангельска, среди которых есть и памятник Петру I.

Позднее в этом же году деньги были деноминированы, в таком же дизайне вышла банкнота в 500 российских рублей. В 2001 г. в обращение была введена банкнота номиналом в 1000 рублей с изображением видов Ярославля, включая памятник Ярославу Мудрому, в 2006 г. – банкнота с видами Хабаровска с изображением памятника Муравьеву-Муромскому. Персоналии, причем именно политические деятели, на российских рублях все-таки появились, однако они репрезентируются скорее в образе колоссов, что является довольно эффективным коммуникативным средством для продвижения государственного имиджа современной сверхдержавы. В целом визуальный дизайн этих денег может быть воспринят как несколько архаичный, поскольку активно используются народно-оформительские орнаменты, картуши и ленты. Важно также активное использование образов православных церквей⁵, что в сочетании с портретами политических деятелей видится как намек на неделимость державы и церкви. На каждой банкноте использован и национальный герб с двуглавым орлом.

По поводу использования памятников для конструирования национального нарратива можно заметить следующее. С одной стороны, памятники историческим деятелям становятся в один ряд с изображением скульптурных групп «Тысячелетие России» в Новгороде, скульптурой в основании ростральной колонны Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге и квадригой на портике Большого театра, что превращает все эти объекты в некую серию застывших свидетельств былой великой эпохи. С другой стороны, памятник представляет собой реконструкцию образа личности, поскольку это не прижизненное изображение (а какие изображения, кроме летописных миниатюр, могли сохраниться в качестве портретов того же Ярослава Мудрого⁶?), но скорее желание со стороны создателей памятника наделить избранную фигуру символическим значением особой колоссальности. Поэтому репрезентации репрезентаций таких реконструированных образов на деньгах могут расцениваться и как симулякры, отсылающие не к реальной личности, а к условной отсылке к этой личности.

Национальный нарратив официальных современных российских денег является идеологически обусловленным, представляет отсылки к великому прошлому и исключительно русскому, несмотря на многонациональный состав, наследию. Впрочем, это видится вполне убедительным и эффективным, хотя в отличие от украинских гривен и литовских литов российский рубль не использует портреты значимых исторических персоналий. Поскольку показать государственный имидж современной России, сосредоточив всю ее идеологическую базу на ограниченном круге лиц, как видно из опыта с проектом «Новые деньги», поистине невозможно, то возникает своего рода спор истории с географией.

Случай Беларуси. Конструирование национального нарратива в дизайне белорусского рубля с обретением независимости происходило наиболее противоречивым образом. Подобно Украине и Литве в Беларуси возникла необходимость поиска названия национальной валюты, однако Беларусь единственная

среди бывших советских республик (кроме России) все-таки заимствует название «рубль (рубель)». В отличие от своих стран-соседей, возродивших названия, связанные с национальным движением в начале XX в. и соответствующие представлениям об историко-культурной аутентичности, у Беларуси не было возможности обратиться к недавнему прошлому: БНР не успела выпустить собственные деньги. Представители национального движения, тем не менее, предлагали в качестве якобы белорусского адаптировать для основной денежной единицы название «талер» (Можейко, 2012). Когда вопрос о выборе названия был поднят в Президиуме Верховного Совета, большинством предложение о талерах и грошах было отвергнуто, что до сих пор активно критикуется в националистически настроенных кругах (Кузнецова, 2006). Однако следует заметить, что талер на протяжении XVI–XIX вв. являлся общеевропейским денежным стандартом, т.е. с аутентичной белорусской историей он напрямую не связан. Рубль же в качестве счетно-денежной единицы появился на белорусских землях в XIV в. и использовался также в ВКЛ: 1 рубль приравнивался к 100 грошам (Рябцевич, 1995: 109). Поэтому применительно к белорусским деньгам название «рубль (рубель)» все же имеет больше прав на аутентичность, нежели «талер», хотя сегодня его звучание неизменно окрашивается в тона советского наследия.

Споры, обусловленные непримиримостью взглядов противоборствующих позиций, ведутся и в отношении визуального дизайна белорусского рубля, частично схожего на разных этапах с тенденциями оформления литовских денег⁷ и российского рубля⁸. В связи с тем что в Беларуси есть как минимум три представления о национальной идентичности – проевропейское, антиевропейское (или просоветское) и так называемое «промежуточное» (White, Feklyunina, 2014), прийти к единому мнению о дизайне белорусских денег не так просто, а существующие варианты его оформления часто воспринимаются как довольно отчужденные с коммуникативной точки зрения (Бубич, 2016), поскольку несут якобы не столь явные национальные репрезентации. Именно по этой причине возникают сложности не просто на уровне продвижения государственного имиджа с помощью национальных денег, но и на уровне возможностей уравнивания субъектов посредством денег как медиума (McGuinly, 1993). Позиции представления о белорусском «золотом веке» борются за право стать «доксой», что делает концепт «белорусскости» еще более уязвимым.

Существует несколько серий официальных и альтернативных проектов белорусских денег (Орлов, 2008). Первые белорусские рубли («зайчики»), выпущенные в 1992 г. в наиболее критический момент обретения независимости, с оборотной стороны изображали официальный на тот момент герб – «Погоню», которая явно противопоставлялась советскому прошлому Беларуси и отсылала к эпохе ВКЛ. Вместе с тем лицевая сторона этих банкнот изображала архаичные сюжеты с представителями фауны и народный орнамент.

Следующая серия, с видами Минска, стала попыткой соединения нескольких исторических периодов, которые мало соотносятся между собой. Условно эту серию можно разделить на две категории. Первая, выпущенная в 1992–1994 гг., все еще изображает «Погоню», лицевая сторона банкнот представлена архитектурными постройками столицы Беларуси, возведенными либо маркированными как знаковые в советский период (Привокзальная площадь, площадь Победы, Национальная академия наук, Троицкое предместье, Нацбанк). В связи с заменой национальной символики наиболее крупные номиналы этой серии были модифицированы в 1998 г.: вместо «Погони» на оборотной стороне банкнот появилось укрупненное изображение номинала. Вторая категория, выпущенная в 1994–1999 гг., имела уже другое оформление: основной ее чертой стало объединение народных мотивов Слуцких поясов и архитектурных построек советского периода (Национальный академический Большой театр, Республиканский дворец культуры профсоюзов, Национальный художественный музей, Дворец спорта в Минске, исключение – банкнота в 50 000 рублей с Брестской крепостью-героем). Эти две категории оказались разделены довольно продолжительным историческим периодом, вытесненным как нежелательный из-за замены официальной символики. В этой же серии появляются и изображения людей: в основном это небольшие фигурки, вписанные в повседневный городской пейзаж. Наиболее примечательным является дизайн банкноты в 1 000 000 рублей (позднее в модифицированном виде – банкнота в 1000 рублей), где используется репродукция картины белорусского художника Ивана Хруцкого «Портрет жены с цветами и фруктами», однако в дизайне банкноты собственно портрет «изъят», что превратило его в натюрморт.

С выпуском денег образца 2000 г. отмечается децентрализация сюжетов: изображаются уже не только виды Минска, но и архитектурное наследие других городов Беларуси (панорама Витебска, дворец Румянцевых – Паскевичей в Гомеле, Мирский замок, Несвижский дворец, Могилевский областной художественный музей имени Масленникова). При этом находит отображение и ранее вытесненный исторический период, что свидетельствует о поиске аутентичности. Однако бесконфликтность исторических построек вызывает скорее отчужденное отношение к новой национальной истории и национальным деньгам. Этому способствует и метонимический прием: используются текстовые подписи с фамилиями знаменитых белорусских деятелей, которые размещены не под портретами, а под архитектурными объектами (например, «Палац Радзівілаў», «З малюнкаў Н. Орды» и др.). При этом официальные деньги данного периода менее идеологизированы в сравнении с непринятыми альтернативными, предлагающими изображение портретов исторических персоналий, с которыми связаны ностальгические сожаления националистически настроенных кругов. Проблема выбора персоналий связана с ранжированием по номиналам и ограниченным «кругом лиц», которые могут попасть в одну серию банкнот.

Новый проект белорусских денег образца 2009 г., введенный в 2016 г. после деноминации, продолжает традицию демонстрации объектов историко-национального достояния, маркированных в 1990-е гг. Концепция проекта озаглавлена как «Мая краіна – Беларусь», каждая банкнота представляет одну из административных областей страны и город Минск как столицу. Теперь демонстрируются не только объекты архитектурного наследия (на лицевой стороне – Каменная башня, Спасо-Преображенская церковь, дворец Румянцевых – Паскевичей, Мирский замок, Несвижский дворец, Могилевский областной художественный музей имени Масленикова, новое здание Национальной библиотеки), но и тематические коллажи, представленные различными историческими артефактами (первые поселения славян, просветительство и книгопечатание, духовность, искусство, театр и народные праздники, ремесла и градостроительство, литература). Они отсылают к материальной и исключительно городской культуре, в новом проекте отсутствуют отсылки к советской, военной либо аграрной тематике. Примечательно, что официальный белорусский герб на новых банкнотах так и не появился (только на монетах). Принципиально новым является активное изображение книг и знаковых текстов на белорусском языке, что закрепляет его исторически. Несмотря на введение через семь лет после своей разработки, этот проект соотносится с современными тенденциями популяризации белорусского языка и орнамента, хотя пока такой национальный нарратив продвигает идею о Беларуси как скорее замкнутой в пределах собственных географических границ.

Подводя итог, можно сказать, что, несмотря на радикальные различия в тенденциях, национальные нарративы в дизайне украинских, литовских и российских денег продвигают вновь сформированные (или, скорее, восстановленные) национальные идеи, которые противопоставляются советскому наследию. В Украине и Литве они оформились уже с первым выпуском национальной валюты, в России – только к концу 1990-х гг. В случае белорусских рублей этот процесс оказался более длительным и сложным, конструирование государственного имиджа без отсылок к советскому наследию получило дополнительную отсрочку и в связи с отложенной на семь лет деноминацией. Тем не менее деньги рассмотренных государств пока трудно сравнивать с советскими рублями по степени их коммуникативной эффективности, поскольку затянувшийся экономический кризис и тенденции к интеграции не позволяют этим валютам обрести стабильность, которая способствует формированию квазирелигиозной веры в национальные деньги (Helleiner, 1998). Да и так ли часто субъекты, на которых направлена визуальная коммуникация денег, всматриваются в изображения на банкнотах? Возможно, это лишь дизайнеры и социологи заняты самыми незначительными и само собой разумеющимися вещами? Впрочем, такие сомнения способен развеять американский доллар, вот уже более столетия стремящийся нести миру свою идеологическую программу, зашифрованную в визуальном

воплощении. Быть может, «среднестатистические» субъекты не придают этому значения. А те, кто желает вести их и просвещать, – разумеется, да. Поэтому, как видится, национальные валюты в Восточно-Европейском регионе также должны не только положительно зарекомендовать себя с экономической точки зрения, но и приблизиться к статусу культурного достояния.

Иллюстрации

Иллюстрация 1. Советские рубли с народными героями
Источник: Википедия (2017)

Иллюстрация 2. Советские деньги с портретами Ленина
Источник: Википедия (2017)

Иллюстрация 3. Украинские гривны
Источник: Википедия (2017)

Иллюстрация 4. Литовские литы
Источник: Википедия (2017)

Иллюстрация 5. Первые российские рубли
Источник: Википедия (2017)

Иллюстрация 6. «Новые деньги»
Источник: «Новые деньги» (2017)

Иллюстрация 7. Современные российские рубли
Источник: Википедия (2017)

Иллюстрация 8. Белорусские «зайчики» (1992 г.)
Источник: Национальный банк Республики Беларусь (2017)

Иллюстрация 9. Городская серия с видами Минска (1992–1994 гг.)
Источник: Национальный банк Республики Беларусь (2017)

Иллюстрация 10. Банкноты с заменой «Погони» на изображение номинала (1998 г.)
Источник: Национальный банк Республики Беларусь (2017)

Иллюстрация 11. Городская серия с видами Минска (1994–1999 гг.)
Источник: Национальный банк Республики Беларусь (2017)

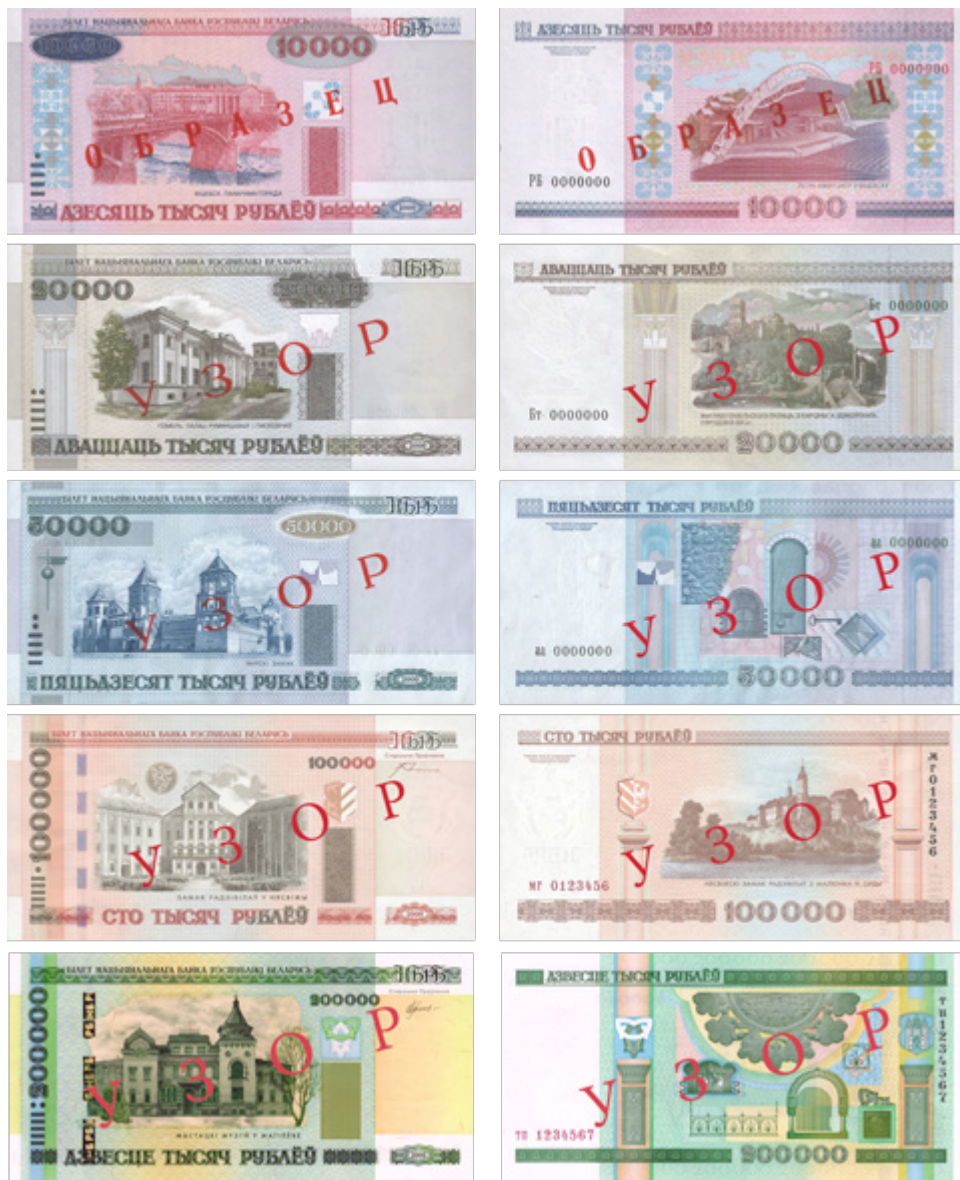

Иллюстрация 12. Белорусские рубли образца 2000 г.
Источник: Национальный банк Республики Беларусь (2017)

Иллюстрация 13. Альтернативный проект белорусских рублей с портретами (1994 г.)
Источник: Белорусская бонистика (2017)

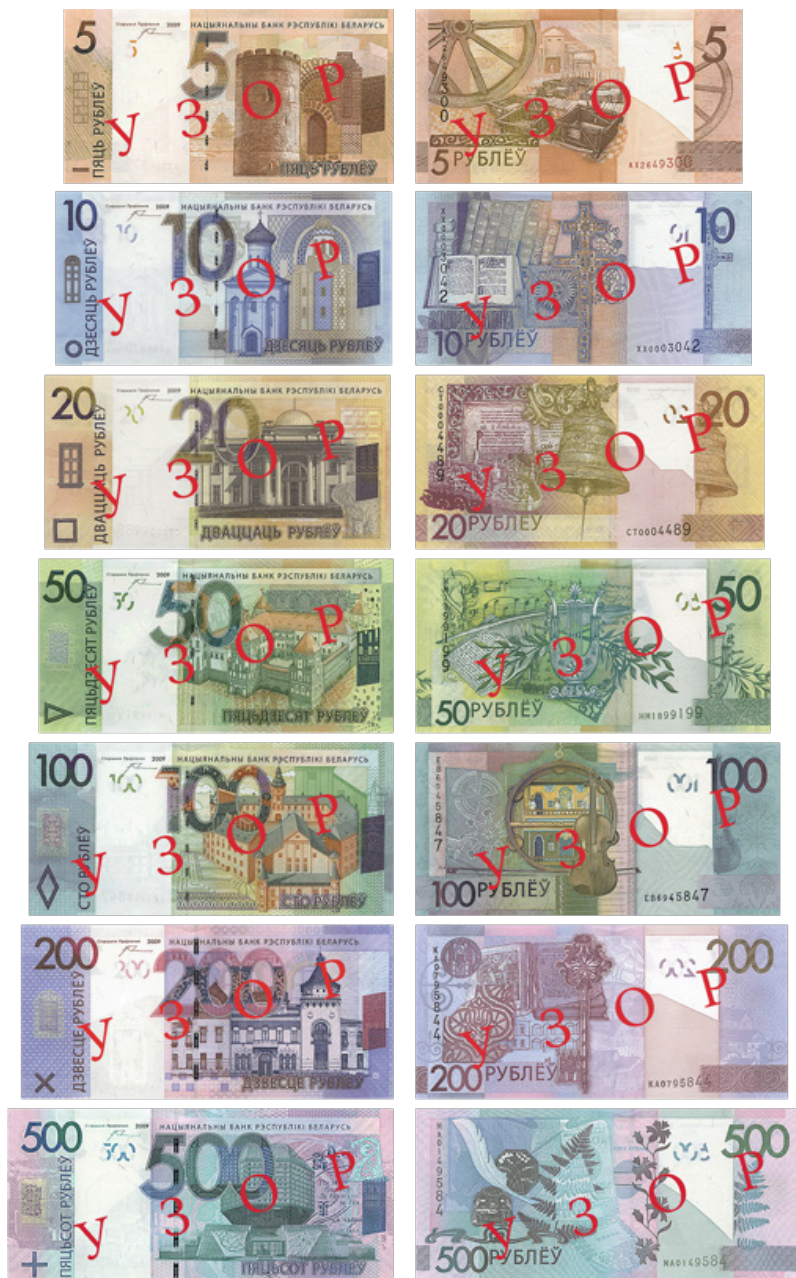

Иллюстрация 14. Белорусские рубли образца 2009 г.
Источник: Национальный банк Республики Беларусь (2017)

Примечания

- ¹ За исключением нумизматики и бонистики, но в этих дисциплинах речь идет скорее о возможности реконструкции исторических реалий минувших эпох по знакам, размещенным на деньгах (монетах и банкнотах), нежели о коммуникации с субъектом, на которого ориентированы эти знаки.
- ² Возможность разместить свои символы на деньгах есть даже у государств, объединенных такой международной валютой, как евро, хотя это и касается только монетных номиналов. Так или иначе, такие символы репрезентируют государство или объединение нескольких государств, как в случае ЕС.
- ³ Например, на банкноте номиналом в 50 литов с изображением Майрониса, литовского теолога и литератора, на обороте изображена статуя Свободы Ю. Закараса на фоне Военного музея им. Витаутаса Великого. Прямой связи между личностью Майрониса и этими объектами нет, но важно, что эти достопримечательности находятся в Каунасе, где Майронис провел большую часть своей жизни.
- ⁴ Пойди авторы еще дальше с идеей Парфенова об «уплотнении» и размещай не по одному, а по несколько персоналий с каждой стороны банкнот, получились бы портреты в духе триединых Маркса, Энгельса и Ленина, что вполне наследовало бы советской традиции.
- ⁵ Чего не было в проекте «Новые деньги», где подчеркивался светский характер культурного наследия России.
- ⁶ То же самое можно сказать и об образах Владимира Великого и Ярослава Мудрого на украинских гривнах, хотя в этом случае на банкноту сразу помещается реконструированный образ. Случай использования памятников на российских рублях видится уже репрезентацией третьего порядка: репрезентация памятника на деньгах – репрезентация образа через памятник в городе – реконструированный образ, отсылающий к персоналии.
- ⁷ Сначала две аналогичные серии со зверями, теперь использование коллажей с национальными символами в дизайне новых белорусских рублей с тем лишь отличием, что на последних отсутствуют персоналии.
- ⁸ Имеется в виду репрезентация городов, однако белорусские деньги не изображают памятники, а в дизайне образца 2009 г. используют тематические коллажи, посвященные разным историко-культурным направлениям, чего нет в дизайне российских рублей.

Литература

- Бубич, О. «Еврорубель». О чем говорят новые белорусские деньги», 1 июня 2016 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://journalby.com/news/evrorubel-o-chemgovoryat-novye-belarusskie-dengi-663>
- Бурдые, П. Социология социального пространства / пер. с фр. под ред. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 2005. 288 с.
- Деноминация – 2016 // Национальный банк Республики Беларусь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nbrb.by/CoinsBanknotes/denomination>
- Зелизер, В. Социальное значение денег / пер. с англ. под науч. ред. В.В. Радаева. М.: Дом интеллектуальной книги «Издательский дом ГУ ВШЭ», 2004. 283 с.
- Кузняцоў, С. Сімволіка грошаў: фінансы і гістарычная свядомасць Украіны, Літвы і Беларусі // Палітычная сфера. № 7. 2006. С. 54–62.

- Легендарные банкноты со Скориной и Богдановичем // Белорусская бонистика [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://belbonistika.com/?p=7176>
- Луман, Н. Медиакommunikation / пер. с нем. А. Глухова, О. Никифорова; под науч. ред. А. Антоновского. М.: Издательство «Логос», 2005. 280 с.
- Можейко, Г. «Расследование “КП”: белорусского “зайчика” списали из детской книжки!». 23 февраля 2012 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kp.by/daily/25840.3/2811879/>
- На купюрах номиналом 200 и 2000 рублей появятся Севастополь и Дальний Восток // НТВ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ntv.ru/novosti/1669896/>
- «Новые деньги», 1996 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.guelman.ru/gallery/moscow/dengy/>
- Орлов, А.П. Бумажные денежные знаки в Беларуси. Минск: Минская фабрика цветной печати, 2008. 696 с.
- Рябцевич, В.Н. Нумизматика Беларуси. Минск: Полымя, 1995. 687 с.
- Billig, M. Banal Nationalism. London: Sage, 1995.
- Helleiner, E. National Currencies and National Identities // American Behaviour Scientist. Vol. 41. № 10. 1998. P. 1409–1436.
- Lauer, J. Money as Mass Communication: U.S. Paper Currency and the Iconography of Nationalism // The Communication Review. 2008. Vol. 11. № 2. P. 109–132.
- McGinly, C. Coining Nationality: Woman as Spectacle on the 19th Century Currency. American Transcendant Quaterly. 1993. Vol. 7. № 3. P. 247–269.
- Rossmann, S. «The Currency of Europe? Representing Unified Europe as Film in the Age of the Euro», 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://transit.berkeley.edu/2016/rossmann/>
- White, S., Feklyunina, V. Identities and Foreign Policies in Russia, Ukraine and Belarus. The Other Europes. New York: Palgrave Macmillan, 2014. P. 163–187.

Источники

- Легендарные банкноты со Скориной и Богдановичем // Белорусская бонистика [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://belbonistika.com/?p=7176>
- Литовский лит // Википедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Литовский_лит
- «Новые деньги», 1996 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.guelman.ru/gallery/moscow/dengy/>
- Поиск банкнот Национального банка Республики Беларусь по характеристикам // Национальный банк Республики Беларусь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nbrb.by/CoinsBanknotes/denomination>
- Российский рубль // Википедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Российский_рубль
- Рубль СССР // Википедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Рубль_СССР
- Украинская гривна // Википедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Украинская_гривна